

УДК-32:341

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

EDN: RONIXI

ПРАВООЗАЩИТНЫЕ ОГОВОРКИ В АНТИРОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ САНКЦИЯХ ЕС В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОРМАТИВНОЙ СИЛЕ

С. Б. Давранова

Давранова Сабина Бобыровна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация.

Аннотация

Изучаются правозащитные основания антироссийских торговых санкций. Ключевой фокус сделан на сравнении территориальных крымских торговых санкций с основными антироссийскими торговыми санкциями. Результаты анализа показали, что, во-первых, санкционная политика ЕС, вопреки его заявлениям об обратном, затрагивает гуманитарную торговлю как в узкой, так и в широкой трактовке этого понятия. Во-вторых, несмотря на то, что МИДы европейских стран стояли у истоков процесса реформирования санкционной политики ООН в 1990–2000-е гг., пытаясь сделать из нее более «гуманную» версию, у ЕС как у коллективного субъекта нет понимания о том, как эффективно встроить правозащитные опасения в принятие санкционных решений. В результате политика гуманитарных исключений и изъятий из разных санкционных запретов оказывается, во-первых, неединообразной, во-вторых, неэффективной. Этот частный кейс антироссийских санкций ЕС позволяет альтернативно посмотреть на позиционирование своей акторности как нормативной силы, а также подсказывает несколько прикладных выводов о том, как можно было бы усовершенствовать правозащитную критику односторонних принудительных мер на площадках международных организаций в системе ООН.

Ключевые слова: санкции; права человека; нормативная сила; гуманитарные исключения; экспортные эмбарго; крымский санкционный режим

Для цитирования: Давранова, С. Б. (2026) 'Правозащитные оговорки в антироссийских торговых санкциях ЕС в контексте дискуссии о нормативной силе', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), сс. 118–127. EDN: RONIXI. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

HUMAN RIGHTS DEROGATIONS IN THE EU'S ANTI-RUSSIAN TRADE SANCTIONS IN THE CONTEXT OF THE DEBATE ON NORMATIVE POWER EUROPE

S. B. Davranova

Sabina B. Davranova,

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article examines the legal grounds for anti-Russian trade sanctions. The main focus is on comparing the territorial trade sanctions against Crimea with the main anti-Russian trade sanctions. The results of the analysis show that, firstly, the EU's sanctions policy, contrary to its statements to the contrary, affects humanitarian trade in both the narrow and broad interpretations of the term. Secondly, despite the fact that the foreign ministries of European countries were at the forefront of the process of reforming the UN's sanctions policy in the 1990s and 2000s, seeking to make it a more "humane version", the EU, as a collective entity, lacks an understanding of how to effectively integrate human rights concerns into the decision-making process on sanctions.

As a result, the policy of humanitarian exemptions and waivers from various sanctions bans proves, firstly, to be inconsistent and, secondly, ineffective. This specific case of the EU's anti-Russian sanctions offers an alternative perspective on the EU's positioning of itself as a normative power, and suggests several practical conclusions on how the human rights-based critique of unilateral coercive measures could be improved within the forums of international organisations in the UN system.

Keywords: sanctions; human rights; normative power; humanitarian exceptions; export embargoes; Crimean sanctions regime

For citation: Davranova, S. B. (2026) 'Human rights derogations in the EU's anti-Russian trade sanctions in the context of the debate on normative power Europe', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(3), pp. 118–127. EDN: RONIXI. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-3-118-127

Введение

Несмотря на то что ученые, занимающиеся естественными науками, документируют нежелательные гуманитарные последствия санкций, например, их негативное влияние на здравоохранение (Rodríguez, Rendón, Weisbrot, 2025), современное политологическое знание о морально-этических аспектах санкционной политики можно считать устаревшим. За шесть поколений санкционных исследований, развивавшихся с 1930-х гг. (Eriksson, 2011: 9–11), наиболее оживленная дискуссия о гуманитарном аспекте санкций велась в работах четвертого поколения в 1990-е гг. Развитие данной тематики в литературе того периода, также известного как «санкционное десятилетие ООН», было обусловлено вводом всеобъемлющих экономических санкций против Ирака, Югославии, Гаити, которые сегодня считают наиболее жестокими за всю историю санкций. Последствиями тотальных торговых эмбарго в этих странах были продовольственный кризис (на фоне нехватки поставок продуктов питания, удобрений, запчастей для сельскохозяйственной техники), дефицит чистой питьевой воды (на фоне нехватки поставок хлора), кризис в здравоохранении (на фоне нехватки поставок медикаментов, средств гигиены и оказания первой помощи) (Gordon, 1999; Haas, 1997; Weiss et al., 1997; Weiss, 1999; Cortright, Lopez, 1999; Halliday, 2000; Энтина, Животич, 2023). Политологи тогда обоснованно сравнивали санкции с современным эквивалентом осады и видели в них нарушение главного принципа справедливой войны, согласно которому некомбатантов (невинное население) нельзя подвергать страданиям ради военно-политических целей (Gordon, 1999). Эта литература, как и другие результаты деятельности неравнодушных нормативных предпринимателей в тот период, имела свой эффект (Heupel, 2012). Благодаря публичному разоблачению последствий действий санкционирующих сторон в начале 2000-х гг. были пересмотрены принципы санкционной политики СБ ООН в сторону так называемых «умных» или «целевых» санкций. Однако с тех пор правозащитная повестка в политологических санкционных исследованиях постепенно утратила свою актуальность.

Тем не менее при изучении современных односторонних ограничительных мер ЕС важно отталкиваться от этого контекста. Брюссель как минимум декларативно не может игнорировать правозащитную подоплеку санкций во многом потому, что у истоков процесса реформирования санкционной политики ООН стояли МИДы европейских стран (именно поэтому три этапа этого процесса назвали «интерлакенским», «боннско-берлинским» и «стокгольмским»). В ЕС эта повестка выражается, например, в том, что в экспертно-аналитических брифингах Европейского парламента упоминается тот факт, что после гибели сотен тысяч иракских детей в 1990-е гг. в результате ограничений базовым принципом санкционной политики ЕС стало «недопущение чрезмерных гуманитарных издержек»¹. Европейская комиссия указывает на то, что санкции «никогда» не затрагивают гуманитарную торговлю², а Европейская служба внешних связей (ЕСВС) позиционирует их как «мирный инструмент дипломатии»³. Однако, несмотря на постулируемую значимость гуманитарного аспекта санкций для европейских институтов, вопрос о том, как правозащитные соображения ограничивают санкционное поведение ЕС (т.е. как они влияют на содержание санкционной политики) в академической литературе остался нераскрытым.

¹ Ramírez, E. G., Russell, M. (2020) Coronavirus and international sanctions. Should sanctions be eased during the pandemic? [online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651924/EPRS_BRI\(2020\)651924_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2020/651924/EPRS_BRI(2020)651924_EN.pdf) (accessed: 10.02.2026).

² Parliamentary question – E-004012/2025(ASW). Answer given by Ms Albuquerque on behalf of the European Commission (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004012-ASW_EN.html (accessed: 10.02.2026).

³ A peaceful tool of diplomacy (2025) [online], *European Union External Action Service*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/sanctions-tool-diplomacy_en (accessed: 10.02.2026).

Ответ на этот вопрос данное исследование находит через изучение эволюции правозащитных оснований в антироссийских торговых санкциях. Ключевой фокус сделан на сравнении территориальных крымских торговых санкций с основными антироссийскими торговыми санкциями. Сравнительный анализ оказался необходим в силу того, что ЕС, не признавая Крым российской территорией, обособляет меры против него в отдельный санкционный режим, а литература по теме дает основания полагать, что географические вариации в принятии санкционных решений (в первую очередь на российском, украинском и белорусском направлениях) могут объясняться расхождением между стратегическим и нормативным целеполаганием во внешней политике (Kikici, 2013: 51–52).

Обзор литературы

Большинство существующих работ, объект исследования которых находится на стыке тем прав человека и санкционной политики ЕС, касаются горизонтального санкционного режима ЕС, в рамках которого Брюссель накладывает ограничения против лиц за злоупотребление правами человека в третьих странах (см., например, Beaucillon, 2023; Eckes, 2021, 2023; Portela, 2021; Ruys, 2021). На их фоне незначительным оказывается число работ, где поднимается вопрос о том, насколько вообще санкции как инструмент внешней политики ЕС соответствуют правозащитным принципам (Brummer, 2009; Dupont, 2019; Gałka, 2025). Это говорит о том, что такая тематика в малой степени интересует академическое сообщество. В работах, где она все же фигурирует, утверждения европейских институтов о том, что их санкции являются гуманными инструментами внешней политики, принимаются как данность и не ставятся под сомнение. Показательна в этом плане работа французского правоведа П.Э. Дюпона (Dupont, 2019: 49–51), для которого позиция Совета ЕС, что санкции ЕС «должны соответствовать принципам международного права в области прав человека», и тот факт, что ЕС «систематически проводит оценку» эффектов своих санкций, составляют доказательную базу такой точки зрения.

Тем не менее развитие санкционной политики с начала СВО дает веские основания критически взглянуть на проблему гуманитарных изъятий из санкций. Исследователи все чаще говорят о происходящей «детаргетизации» ограничительных мер, т.е. об отходе ЕС от «целевого» подхода в сторону тотальных санкций (Лереу, 2025; Давранова, 2024; Лихачева, Чуприянова, 2026), но при этом не объясняют, как этот процесс трансформирует правозащитные элементы санкционной политики. Заполнение этой лакуны в данной работе имеет как методологическую, так и теоретическую ценность для науки и практики в области международных отношений.

Методологическая ценность состоит в том, что данная работа предлагает новый ракурс рассмотрения гуманитарных проблем, сопряженных с санкционной политикой. Существующие прикладные исследования, которые проводятся в области естественных наук либо на площадках международных организаций, таких как Совет ООН по правам человека или Генеральный Секретариат ООН⁴, сфокусированы на уже воплотившихся последствиях санкций. Основа их методологии – анкетирование, в рамках которого предполагается рассылка писем в правительства государств-членов и штаб-квартиры других международных организаций. Адресатам предлагается рассказать об уже воплотившихся эффектах санкций, с которыми они столкнулись или которые наблюдали. Предлагаемая в данной работе эмпирическая стратегия смещает фокус на процесс принятия санкционных решений и анализирует, насколько выработанное санкционное законодательство как результат этого процесса отражает заявления институтов ЕС о принятых во внимание гуманитарных соображениях.

Теоретическая основа работы подводит к более фундаментальной научной проблеме – геополитизации международной акторности ЕС, некогда считавшейся «нормативной» (Manners, 2002). Вопрос о том, соответствуют ли санкционные инструменты внешней политики идеалам «нормативной силы» ЕС, вызывал в исследовательском сообществе полярные реакции. Например, если для В. Вибеля (2021), Т. Романовой (Romanova, 2025: 22), А. Матахо (2023) санкции – это инструмент, с помощью которого ЕС доказывает приверженность нормативной идентичности, то другие исследователи считают, что экономическое санкционное давление нехарактерно (Kreutz, 2005; Forsberg, 2011) либо вообще противоречит нормативной силе (Brummer, 2009), потому что в его основе лежит реалистская, а не либеральная логика. Н. Кикичи (2013) предлагал разрешать эту дилемму, смотря на направление внешней политики, о котором идет речь, и на мотивацию, которую преследует Брюссель. Так, он утверждал, что

⁴ UN (1985) Economic measures taken by developed countries for coercive purposes, including their impact on international economic relations: report of the Secretary-General [online]. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/99968?ln=ru> (accessed: 10.02.2026); UN (2025) Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights. Available at: <https://docs.un.org/en/A/73/175> (accessed: 10.02.2026).

санкции ЕС против Украины и Белоруссии за дефицит демократии в них могут считаться актом защиты ценностей Союза, а в случае России превалирует стратегическая логика безопасности. Рассмотрение правозащитной специфики санкционной политики представляет собой альтернативный способ разрешения этой теоретической проблемы. Даже если понимать концепцию «нормативной силы» как эталонный тип акторности, к которому ЕС стремится, хоть и не всегда соответствует, то по одному из критериев, выделенных Т. Форсбергом (Forsberg, 2011: 1192), меры принуждения (пусть они и нелегитимны с точки зрения международного права) не должны пренебрегать прочими нормативными принципами.

Методология исследования

Хотя данное исследование выполнено с помощью качественной методологии, проработка его дизайна требует прежде всего определить, на каких эмпирических данных может быть изучена правозащитная составляющая антироссийских санкций.

Среди множества видов действующих санкций целесообразно ограничиться только экспортными торговыми ограничениями, потому что в 1990-е гг. именно экспортные эмбарго стали причиной потери доступа населения к товарам, имеющим гуманитарное значение. Послабления в санкционной политике ООН привели к тому, что торговые санкции стали называть «умными» или «целевыми», если они касаются только наиболее значимых для экономики подсанкционного государства секторов, а не всей его торговли как таковой (Gordon, 2011: 326–327). При этом «умными» финансовыми санкциями называли те ограничения, которые узко направлены против отдельных лиц и не отражаются на широком населении. С этой точки зрения подвести торговые санкции под характеристику «умных», за исключением, может быть, оружейных эмбарго (Cortright, Lopez, 2002: 153), оказывается проблематично, поскольку запреты на поставки даже узкого круга товаров могут в равной степени болезненно ощущаться всем населением подсанкционной страны. В санкционной литературе четвертого поколения этот момент не был учтен.

Отдельно отметим, что в современном международном праве не регламентировано понятие «товар гуманитарного значения», кроме товаров первой необходимости, которые поставляются в кризисные точки в рамках оказания гуманитарной помощи. Тем не менее в условиях современного жизненного уклада гуманитарное значение могут иметь и высокотехнологичные товары, которые необходимы для медицины, сельского хозяйства и реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС).

Принимая во внимание эти рассуждения, можно очертить два параметра, которые должны характеризовать санкционную политику, которая потенциально соответствует идеалам «нормативной силы». Во-первых, все то, что может быть отнесено к гуманитарной торговле, должно быть выведено (изъято) из-под ограничений. Изъятия могут быть прописаны в санкционном законодательстве как отступление от его правил или не упоминаться в перечне подсанкционных товаров вообще. Во-вторых, правовая механика использования изъятий и гуманитарных исключений должна быть продумана эффективно и без бюрократических проволочек для случаев, когда есть необходимость экстренно ими воспользоваться.

Торговые санкции ЕС против России распределены по четырем санкционным режимам: 1) территориальный режим против Крыма и Севастополя⁵; 2) территориальный режим в отношении ДЛНР, Херсона и Запорожья⁶; 3) режим, введенный в свете «действий России по дестабилизации ситуации на

⁵ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June 2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 183/9. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/692/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Council Decision 2014/386/CFSP of 23 June 2014 concerning restrictions on goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 183/70. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/386/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁶ Council Decision (CFSP) 2022/266 of 23 February 2022 concerning restrictive measures in response to the recognition of the non-government controlled areas of the Donetsk and Luhansk oblasts of Ukraine and the ordering of Russian armed forces into those areas (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L1 42/109. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/266/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Council Regulation (EU) 2022/263 of 23 February 2022 concerning restrictive measures in response to the recognition of the non-government controlled areas of the Donetsk and Luhansk oblasts of Ukraine and the ordering of Russian armed forces into those areas (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L1 42/77. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/263/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

Украине»⁷ (основной санкционный режим, в рамках которого прописана большая часть секторальных санкций); 4) санкционный режим, введенный в 2024 г. в связи с ситуацией в России⁸. Из анализа можно опустить второй и четвертый режимы, потому что все территориальные санкции идентичны по своему содержанию крымским, а в последнем режиме предполагается только один вид торговых санкций – оружейное эмбарго без каких-либо гуманитарных исключений. Поскольку каждый санкционный режим в ЕС вводится и редактируется двумя нормативно-правовыми актами (решением, которое принимается от коллективного лица 27 стран, и регламентом, который вводится от имени ЕС как отдельного субъекта, хоть и подчиненного государствам-членам), общее число нормативно-правовых документов, которые были проанализированы в ходе исследования, составляет 118. Это число включает все акты, посредством которых вносились правки в санкционные режимы, поскольку перед автором стояла задача проследить эволюцию рассматриваемых торговых санкций. Генеральная совокупность рассмотренных экспортных торговых ограничений с гуманитарными исключениями в этих документах составляет 7, что достаточно для проведения исследования в формате «кейс-стади» (ситуационные исследования). При анализе не рассматривались оружейные эмбарго, а также экспортные санкции на товары роскоши.

Дж. Герринг (Gerring, 2004: 342) определял эту методологию как «интенсивное изучение одной единицы для понимания более широкого класса схожих единиц». В данном случае в качестве единицы выступают торговые ограничения как подвид санкций (более широкого класса ограничений). В его типологии кейс-стади данное исследование можно отнести к I типу, поскольку оно подразумевает темпоральные вариации одной единицы анализа (содержание торговых санкций менялось с 2014 г.), но не подразумевает пространственных вариаций (в данной работе рассматриваются только антироссийские санкции ЕС). Основной метод работы с данными – сравнительный формально-правовой анализ положений из законодательства с целью определения соответствия их двум вышепредложенным критериям.

Результаты проведенного анализа

Хронологически первыми торговыми санкциями ЕС против России были спроектированные по территориальному принципу ограничительные меры против Крыма и Севастополя (Войников, 2022: 9; Тимофеев, 2024: 238). Санкционные исследования рассматривали эти ограничения как часть общей стратегии ЕС по реагированию на украинский кризис (Shagina, 2017: 80), но при этом не объясняли, зачем Брюсселю потребовалось вводить их отдельным режимом.

Представляется, что есть две взаимодополняющие причины, одна из которых связана с правозащитной спецификой. Первая причина, правовая, состоит в том, что под эти ограничения мог попасть любой бизнес, взаимодействующий с крымскими юридическими лицами как с территории России, так и с территории Украины. Таким образом, ЕС пытался пресечь потенциальный «коллорабационизм» на территории Украины, который бы выражался в экономическом взаимодействии с крымскими контрагентами. Вторая причина имеет более нормативную логику. Воспринимая эту территорию как часть Украины, ЕС действительно мог относиться к ее населению более лояльно, чем к населению России, особенно после 2022 г. В пользу такого объяснения говорят следующие аргументы.

Во-первых, на начальном этапе был очевиден символический, коммуникативный посыл этого режима, нежели его практическое значение. В первой итерации он содержал единственное ограничение – запрет на импорт в ЕС товаров крымского происхождения, в случае если они не были лицензированы украинскими властями⁹. Целевой аудиторией такого запрета был крымский бизнес, для которого каждая экспортная операция была превращена в символический выбор легитимного суверена. При этом практического смысла запрет не нес, потому что технически его можно было обойти, указав любое другое российское происхождение произведенного товара.

⁷ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 229/13. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/512/oj/eng> (accessed: 10.02.2026); Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 229/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁸ Council Decision (CFSP) 2024/1484 of 27 May 2024 concerning restrictive measures in view of the situation in Russia (2024) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2024/1484/oj/eng> (accessed: 10.02.2026).

⁹ Council Regulation (EU) No 692/2014 of 23 June... Op. cit.

Во-вторых, введенный во вторую итерацию, в июле 2014 г., запрет на экспорт на полуостров оборудования для транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктуры¹⁰ вплоть до февраля 2025 г. отличался от всех остальных антироссийских торговых санкций тем, что, помимо стандартно прописанных целей гуманитарных исключений (обеспечения безопасности инфраструктуры, реагирования на ЧС и медицинских оснований), в нем была прописана возможность поставок для поддержания работы гражданских образовательных организаций¹¹. В основном антироссийском санкционном режиме такое изъятие не подразумевалось, а с февраля 2025 г. «гражданским обществом» стали считаться только те организации и НПО, которые получают финансирование от стран «Группы семи»¹². Тогда же, кстати, упоминание образовательных организаций было удалено и из крымских санкций¹³.

В-третьих, правовая механика использования гуманитарных исключений из этого запрета допускала ситуации, при которых экспортер мог без получения предварительного разрешения осуществить экстренную поставку своей продукции в Крым «в должным образом обоснованных случаях», а после отчитаться об этом национальным властям в течение пяти дней¹⁴. Национальные власти должны обмениваться друг с другом и с Комиссией информацией о таких случаях, однако сроки обмена не были прописаны¹⁵. В 2014 г. прописанное в основном антироссийском санкционном режиме единственное гуманитарное исключение из запрета на экспорт в Россию оборудования, необходимого для глубоководной добычи нефти, добычи нефти за Полярным кругом и добычи сланцевой нефти, действовало точно так же¹⁶. Однако с февраля 2022 г. можно наблюдать дифференциацию в том, как прописана механика действия гуманитарных исключений из разных экспортных санкций.

Например, в рамках запрета на экспорт товаров и технологий двойного назначения поставки в Россию без получения предварительного разрешения в гуманитарных целях (путем декларации на таможне) разрешались с последующим предоставлением отчетности национальным властям в течение месяца¹⁷. С одной стороны, такая механика кажется более простой благодаря длительному сроку сдачи отчетности и отсутствию критерия «должного обоснования». Однако это можно объяснить тем, что этот запрет затрагивает очень широкий перечень товаров и, следовательно, интересы широкого круга экспортеров. Таможенная бюрократия могла бы не справиться в более строгих условиях. С другой стороны, экспортер при такой механике не может сам определить причину исключительного экспорта, а вынужден выбирать из заданных опций. Кроме того, санкционный регламент прописывал, что государства должны обмениваться информацией обо всех задействованных исключениях из этого запрета «без промедления»¹⁸. На практике это означает, что на уровне государств-членов был установлен коллективный контроль для того, чтобы не допустить возможного эффекта безбилетника, что также отличает этот запрет от крымского в более жесткую сторону. В феврале 2025 г. ЕС ужесточил это гуманитарное исключение, во-первых, наложив требование о необходимости получения экспортером предварительного разрешения для высокотехнологичного сегмента медицинского экспорта (например, для запчастей на медицинскую авиацию, интегральное оборудование), во-вторых, наложив обязательство

¹⁰ Council Regulation (EU) No 825/2014 of 30 July 2014 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictions on the import into the Union of goods originating in Crimea or Sevastopol, in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 226/2. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0825> (accessed: 10.02.2026).

¹¹ Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictive measures in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 365/46. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R1351> (accessed: 10.02.2026).

¹² Council Regulation (EU) 2025/395 of 24 February 2025 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2025) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32025R0395> (accessed: 10.02.2026).

¹³ Council Regulation (EU) 2025/401 of 24 February 2025 amending Regulation (EU) No 692/2014 concerning restrictive measures in response to the illegal annexation of Crimea and Sevastopol (2025) [online], *Official Journal of the European Union*. L series. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32025R0401> (accessed: 10.02.2026).

¹⁴ Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014... Op. cit.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Council Regulation (EU) No 1290/2014 of 4 December 2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, and amending Regulation (EU) No 960/2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 (2014) [online], *Official Journal of the European Union*. L 349/20. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R1290> (accessed: 10.02.2026).

¹⁷ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L 49/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0328> (accessed: 10.02.2026).

¹⁸ Ibid.

отчитываться о самом первом взаимодействии с новым контрагентом в России¹⁹. Помимо того, что эти требования могут создавать бюрократические проволочки экспортерам, ЕС таким образом получает возможность систематизировать все данные о заказчиках этих товаров из России, чтобы в дальнейшем проверить их на предмет того, являются ли они военными или гражданскими пользователями и, если потребуется, наложить персональные ограничения, в том числе запрет на любые транзакции. Таким образом, эти пользователи могут потенциально быть лишены права на пользование гуманитарными исключениями, хотя формально торговые ограничения будут по-прежнему соответствовать правозащитному критерию.

Что касается приведенного выше в качестве примера запрета на экспорт оборудования для добычи нефти в особых условиях, то в марте 2022 г. приписка о возможности поставки без предварительного разрешения была удалена из формулировки запрета²⁰. Для сравнения: крымские торговые ограничения были ужесточены схожим образом только в феврале 2025 г. Это говорит о том, что правозащитные соображения санкционной политики могут быть пожертвованы ради логики постепенного ужесточения санкций. Также эти шаги унифицировали данные запреты в части гуманитарных исключений с остальными экспортными санкциями, касающимися оборудования для кораблестроения и товаров, усиливающих промышленное развитие России. Все они предполагают получение предварительного разрешения экспортером и двухнедельный срок для обмена информацией по межправительственным каналам. Единственным исключением на их фоне является запрет на экспорт оборудования для переработки нефти, введенный 25 февраля 2022 г.²¹ В нем возможность организации поставки без предварительного разрешения в должным образом обоснованных случаях актуальна до сих пор (по состоянию на июнь 2026 г.). Представляется, что этот запрет более чувствителен для энергетической безопасности стран – членов ЕС. Следовательно, ЕС может маневрировать своей политикой гуманитарных исключений в иных целях, кроме нормативных.

Все эти примеры показывают, что крымские торговые санкции были спроектированы более гуманно, чем большинство остальных антироссийских торговых санкций. Более того, они не были затронуты беспрецедентным по скорости и масштабу ужесточением санкционного законодательства в первые три года СВО. Крымским режимом Брюсселю пришлось пожертвовать к третьей годовщине, когда прочий санкционный потенциал был во многом исчерпан, а новому руководству ЕСВБ в лице К. Каллас необходимо было создать впечатление усиления давления на Россию.

Тем не менее актуальное ранее наличие хотя бы нескольких относительно эффективно продуманных гуманитарных изъятий еще не говорит о том, что санкционная политика ЕС соответствовала заявлениям институтов о положенных в ее основу правозащитных принципов. В ней имелись недоработки с точки зрения предметного охвата. Периодически под санкции попадали товары, гуманитарное назначение которых бесспорно.

Например, с декабря 2014 г. ЕС запретил поставки в Крым товаров, которые числятся в таможенной номенклатуре под номером № 29 «Органические химические соединения»²². В эту группу входят разнообразные витамины, гормоны, эфиры, сахара, антибиотики и прочая продукция, используемая в фармакологии и медицине. Под запрет попала также сельскохозяйственная техника из товарных групп № 8432 и 8436²³. При этом, если сравнить предшествующую декабрьской июльскую итерацию этого режима, можно заметить, что в регламенте Совета ЕС № 825/2014 от 30.07.2014 г. таможенные коды перечислялись поштучно²⁴. Такой формат представления говорит о том, что, составляя список запрещенных товаров, составители документа точно исключали из него те товары, которым придавали гуманитарное значение. Из него были исключены все вышеперечисленные медицинские и фармакологические товары из группы № 29. Аналогично были представлены все таможенные коды из группы № 25 «Соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы; известь и цемент», кроме одного – соли, пригодной для употребления в пищу (2501 00 91). В декабрьскую итерацию, увеличив число подсанкционных таможенных кодов почти в три раза, европейская бюрократия пыталась оптимизировать формат представления списка и пошла по логике укрупнения: подсанкционные таможенные коды

¹⁹ Council Regulation (EU) 2025/395 of 24 February 2025... Op. cit.

²⁰ Council Regulation (EU) 2022/428 of 15 March 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022) [online], *Official Journal of the European Union*. L 49/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0428> (accessed: 10.02.2026).

²¹ Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022... Op. cit.

²² Council Regulation (EU) No 1351/2014 of 18 December 2014... Op. cit.

²³ Ibid.

²⁴ Council Regulation (EU) No 825/2014 of 30 July 2014... Op. cit.

перечислялись теперь не поштучно, а по группам. Так, бывшие точечны изъятия попали под запреты. Это могло быть сделано как намеренно, так и по невнимательности.

Наконец, еще одним примером, выделяющимся на фоне остальных, является запрет на поставки оборудования для самолетостроения и авиации в основном антироссийском санкционном режиме. С точки зрения мотивации ввода его можно поставить в один ряд с запретом на поставки оборудования для морского кораблестроения. Однако в случае морского кораблестроения предполагается гуманитарное исключение для невоенных пользователей, которым необходимо обеспечить безопасность морских перевозок, в случае самолетостроения такая опция не предусмотрена²⁵.

Таким образом, по обоим критериям, выделенным в методологическом разделе работы, санкционная политика ЕС не соответствует заявленным институтами правозащитным принципам. В период с 2014 по 2022 г. она, вопреки этим заявлениям, ограничивала поставки товаров гуманитарного значения, но содержала более этично продуманную механику действия гуманитарных исключений. После 2022 г. гуманитарные исключения в экспортных торговых санкциях были ужесточены, за исключением крымского режима и запрета на экспорт в Россию товаров для переработки нефти. Гуманитарные исключения в крымском режиме были ужесточены только в 2025 г. Наличие разных вариаций гуманитарных исключений для схожих запретов говорит о том, что правозащитные принципы не играют первостепенной роли при определении содержания санкционной политики ЕС, а также о том, что в отдельных случаях ЕС маневрирует правовой механикой исключений для подстраховки собственных экономических (в данном случае энергетических) интересов.

Выводы

В 1930-е годы американский социолог Р. Л. Бьюэлл, один из самых ярких сторонников санкционного давления, ставил перед собой вопрос о том, кто будет контролировать действия санкционирующих сторон (Buell, Dewey, 1932: 5–6). Он считал, что общественного мнения для этого достаточно (при этом он поддерживал только политику многосторонних санкций, категорически выступая против односторонних). Рассмотренный случай антироссийских торговых санкций ЕС показывает, что общественного мнения недостаточно для обеспечения правозащитной эффективности санкций. На европейской политической арене оспариванием санкционной политики с такого ракурса занимаются только крайне левые политические силы²⁶, влияние которых при текущем раскладе институционального баланса ограничено.

С точки зрения поставленной теоретической проблемы заложенное в санкционную политику противоречие между целями санкций и средствами их достижения не позволяет говорить о них как об инструментах нормативной силы. Практическая сторона полученных результатов подводит к выработке двух рекомендаций. Первая заключается в том, что международным организациям, которые занимаются мониторингом последствий санкционной политики, следует обратить внимание не только на то, что происходит в результате санкций, но и на то, как формулируется санкционное законодательство, чтобы разоблачать потенциальные нарушения прав человека до того, как они воплотятся в реальности. Во-вторых, с учетом отсутствия понятия «гуманитарная торговля» в международном праве было бы полезным составление списка «гуманитарных товаров, на санкционирование которых рекомендуется наложение моратория профильными международными организациями, занимающимися вопросами здравоохранения, фармакологии, продовольственной безопасности, сельского хозяйства, климатической политики, трудовыми правами и прочей правозащитной повесткой.

²⁵ Consolidated text: Council Regulation (EU) No 833/2014... Op. cit.

²⁶ The impact of EU sanctions on public health, especially in low- and middle-income countries (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-003081_EN.html (accessed: 10.02.2026); Commission claims regarding the negative consequences of EU sanctions on the Iranian people (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004012_EN.html (accessed: 10.02.2026); Follow-up to the question on the impact of EU sanctions on public health, especially in low- and middle-income countries (2025) [online], *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-004011_EN.html (accessed: 10.02.2026).

Список литературы / References

- Войников, В. В. (2022) 'Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом', *Современная Европа*, 6, сс. 5–17. [Voynikov, V. V. (2022) 'EU Anti-Russian Sanctions (Restrictive Measures): Relationship with International Law', *Contemporary Europe*, 6, pp. 5–17. (In Russ.)].
- Давранова, С. Б. (2024) 'Феномен «бутылочного горлышка» в торговых отношениях Евросоюза с Россией', *Международные процессы*, 22(3-4), сс. 142–158. [Davranova, S. B. (2024) 'The Bottle-Neck Phenomenon in the EU Trade Restrictions Against the Russian Federation', *International Trends*, 22(3-4), pp. 142–158. (In Russ.)].
- Лихачева, А. Б., Чуприянова, П. И. (2026) 'Тактика «тысячи порезов»: от санкций к диверсиям и провокациям', *Россия в глобальной политике*, 24(3), сс. 93–106. [Likhacheva, A. B. & Chupriyanova, P. I. (2026) 'The "thousand cuts" tactic: from sanctions to diversions and provocations', *Russia in the global politics*, 24(3), pp. 93–106. (In Russ.)].
- Тимофеев, И. Н. (2024) 'Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40(2), сс. 233–247. [Timofeev, I. N. (2024) 'The European Union trade sanctions against Russia: Contemporary practice', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40(2), pp. 233–247. (In Russ.)].
- Энтина, Е. Г., Животич, А. (2023) 'Эффективность санкционной политики. Кейс Союзной Республики Югославии (1991–2001 гг.)' *Международная аналитика*, 14(1), сс. 123–137. [Entina, E. G. & Životić, A. (2023) 'The Efficiency of Sanctions Policy. The Case of the Federal Republic of Yugoslavia (1991–2001)', *Journal of International Analytics*, 14(1), pp. 123–137. (In Russ.)].
- Beaucillon, C. (2023) 'Long-arm Collective Sovereignty Through the EU: The EU Global Human Rights Sanctions Regime Transcending the Limits of the Fight Against Impunity', *European Papers*, 8(3), pp. 1679–1695.
- Buell, R. L., Dewey, J. (1932) *Are Sanctions Necessary to International Organization?*, Foreign Policy Association [online]. Available at: <https://archive.org/details/aresanctionsnece00buel/mode/2up> (accessed: 10.02.2026).
- Brummer, K. (2009) 'Imposing Sanctions: The Not So «Normative Power Europe»', *European Foreign Affairs Review*, 14(2), pp. 191–207.
- Cortright, D. & Lopez, G. A. (1999) 'Are Sanctions Just? The Problematic Case of Iraq', *Journal of International Affairs*, 52(2), pp. 735–755.
- Cortright, D. & Lopez, G. A. (2002) *Sanctions and the Search for Security. Challenges to UN Action*. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers.
- Dupont, P. E. (2019) 'Human rights implications of sanctions', in: *Economic Sanctions in International Law and Practice*, pp. 39–61. Routledge.
- Gałka, K. U. (2025) 'Making Exceptions Not Exceptional: Humanitarian Exemptions in Sanctions Regimes under International and EU Law', *International Community Law Review*, 27(4–5), pp. 459–487.
- Gordon, J. (1999) 'A Peaceful, Silent, Deadly Remedy: The Ethics of Economic Sanctions' [online], *Ethics & International Affairs*, 13. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/cceia/cceia_99goj01.html (accessed: 10.02.2026).
- Eckes, C. (2023) EU global human rights sanctions regime: is the genie out of the bottle?, in: *Security in Transnational Spaces*. Routledge, pp. 59–73.
- Eckes, C. (2021) 'EU Human Rights Sanctions Regime: Striving for Utopia Backed by Sovereign Power?', *European Foreign Affairs Review*, 26(2), pp. 219–242.
- Eriksson, M. (2011) *Targeting Peace: Understanding UN and EU Targeted Sanctions*. London and New York: Routledge.
- Forsberg, T. (2011) 'Normative Power Europe, Once Again: A Conceptual Analysis of an Ideal Type', *JCMS*, 49(6), pp. 1183–1204.
- Gerring, J. 'What Is a Case Study and What Is It Good for?', *American Political Science Review*, 98(2), pp. 341–354.
- Haas, R. (1997) 'Sanctioning Madness', *Foreign Affairs*, 76(6), pp. 74–85.

- Halliday, D. J. (2000) 'The Deadly and Illegal Consequences of Economic Sanctions on the People of Iraq Madness', *The Brown Journal of World Affairs*, 7(1), pp. 229–233.
- Heupel, M. (2012) 'With power comes responsibility: Human rights protection in United Nations sanctions policy', *European Journal of International Relations*, 19(4), pp. 773–796.
- Kikici, N. (2013) *The EU – Normative Power: Understanding the EU's motivations through its use and non-use of sanctions (restrictive measures)*. Master thesis. Göteborgs Universitet.
- Kreutz, J. (2005) *Hard Measures by a Soft Power? Sanctions Policy of the European Union 1981–2004*. Bonn: BICC.
- Lepeu, J. (2025) 'Ukraine, the de-targetization of EU sanctions, and the rise of the European commission as architect of EU foreign policy', *Int Polit*, 62, pp. 975–987.
- Mahato, A. (2023) 'EU Sanctions Policy Vis-à-Vis Russia – A Case of Normative Power?', *Basel Papers on Europe in a Global Perspective*, 124, pp. 22–42.
- Manners, I. (2002) 'Normative Power Europe: A Contradiction In Terms?', *JCMS*, 40(2), pp. 235–258.
- Portela, C. (2021) 'The EU Human Rights sanctions regime: unfinished business?', *Revista General de Derecho Europeo*, 54(2).
- Rodríguez, F., Rendón, S. and Weisbrot, M. (2025) 'Effects of international sanctions on age-specific mortality: a cross-national panel data analysis', *The Lancet Global Health*, 13(8), pp. 1358–1366.
- Romanova, T. (2025) 'Rigidity of the EU Sanctions Against Russia: the Ontological Security Prism', *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 18–30.
- Ruys, T. (2021) 'The European Union Global Human Rights Sanctions Regime (EUGHRSR)', *International Legal Materials*, 60(2), pp. 298–318.
- Shagina, M. (2017) 'EU Sanctions Policy Towards Post-Soviet Conflicts: Cases of Crimea, Eastern Ukraine, South Ossetia and Abkhazia', *Revista UNISCI / UNISCI Journal*, 43, pp. 73–87.
- Veebel, V. (2021) 'Russia and Western Concepts of Deterrence, Normative Power and Sanctions', *Comparative Strategy*, 40, pp. 268–284.
- Weiss, T. G. et al. (1997) *Political Gain, Civilian Pain: The Humanitarian Impacts of Economic Sanctions*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Weiss, T. G. (1999) 'Sanctions as a Foreign Policy Tool: Weighing Humanitarian Impulses', *Journal of Peace Research*, 36(5), pp. 499–509.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Статья потсупила в редакцию повторно, после доработки: 20.06.2026

Статья принята к печати: 30.07.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Давранова Сабина Бобыровна, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики.

E-mail: sbdavranova@hse.ru (ORCID: [0009-0007-4174-8348](https://orcid.org/0009-0007-4174-8348)).

Information about author

Sabina B. Davranova, Graduate Student, Faculty of World Economy and International Affairs.

E-mail: sbdavranova@hse.ru (ORCID: [0009-0007-4174-8348](https://orcid.org/0009-0007-4174-8348)).